

Глава 6

Шэнь Циханя злили две вещи.

Во-первых, он так торопливо стягивал тяжелый исторический костюм в раздевалке исключительно ради того, чтобы побыстрее отыскать Линя Цзичу и позвать на совместный ужин.

Но кто же знал, что этот Сюй Хай окажется столь же шустрым? Тот закончил переодеваться практически одновременно с ним, да еще и умудрился окликнуть юношу на долю секунды раньше. Циханю не хватило буквально одного вдоха. Еще мгновение — и он сам бы позвал Цзичу, но Сюй Хай нагло перехватил инициативу.

Готовые сорваться с губ слова застряли в горле. Пришлось сглотнуть их вместе с подступившей к сердцу глухой обидой.

Да кто вообще такой этот Сюй Хай? Обычный коллега, с которым они познакомились от силы пару дней назад. А вот кем Цзичу приходился ему самому?.. Смириться с этим поражением было выше его сил. Злясь на соперника, Цихань в то же время ненавидел себя за нерешительность. Ну почему он всегда так медлит? Неужели имя «Линь Цзичу» действительно стало для него запретным?

Во-вторых, если бы Цзичу хотя бы взглянул на него, это уняло бы душевную бурю. Но этот маленький дурачок посмотрел мимо него, уставившись прямоком на Сюй Хая. А потом, даже не раздумывая, согласился. Он шел к ним, не сводя глаз с Хая, и ни разу — ни единого разу! — не повернул головы в сторону Циханя.

Ладно еще первый повод — тут Цихань понимал, что сам виноват в своей медлительности. Но второй? Именно он занозой сидел в груди, лишая покоя. Он ведь стоял прямо перед ним, бок о бок с этим Сюй Хаем! Почему же Цзичу упорно его игнорировал?

Юноша действительно ни разу не перевел взгляд на Шэнь Циханя. Поравнявшись с Сюй Хаем, он с зажатым в руках ланч-боксом направился к комнате отдыха. Они шли, непринужденно переговариваясь и смеясь, словно Циханя, шествовавшего рядом, вовсе не существовало.

За то короткое время, что они добирались до гримерки, Цзичу увлеченно обсуждал с коллегой дневные съемки, то и дело осыпая его комплиментами.

Сюй Хай добродушно рассмеялся и дружески хлопнул собеседника по плечу:

— Да ладно тебе, не преувеличивай. Я ведь в индустрии не первый год. Если бы до сих пор играл как бревно, мне следовало бы давно уйти из профессии от стыда. Какое уж тут актерство.

Цзичу только открыл рот, собираясь возразить, как вдруг ощутил на своем плече чужую ладонь — тяжелую и горячую. Это прикосновение было настолько знакомым, что сердце предательски пропустило удар.

Подавив мгновенную вспышку паники, он повернул голову и нос к носу столкнулся с Циханем, который подошел вплотную. Глаза в глаза. Эти пленительные, знакомые до боли очертания разреза глаз... В груди Цзичу бешено заколотило, оглушительный стук собственного сердца зазвенел в ушах. Кровь хлынула к лицу, бросив его в жар, дыхание мгновенно сбилось.

Внезапная близость мужчины застала его врасплох. Цзичу крепче вцепился в ланч-бокс, сиюсья унять дрожь в пальцах. Он отчаянно пытался сохранить невозмутимый вид, молясь, чтобы Цихань не заметил его смутения.

— Сяо Линь, ну что ты все хвалишь Учителя Сюя? — раздался над ухом вкрадчивый голос. — Обо мне тоже скажи пару слов. Как тебе моя игра? Тоже ведь неплохо, правда?

Цихань коснулся его плеча из чистого упрямства, проверяя реакцию. Стоило бы Цзичу сказать хоть слово, потребовать убрать руку — и он бы подчинился без лишних споров. Но тот промолчал, и упускать такую возможность мужчина не собирался. Слишком уж свежа была обида от того, как безжалостно его только что проигнорировали.

Мнение посторонних его мало заботило, но равнодушие Цзичу ранило глубоко. Не в силах совладать с уязвленной гордостью, Цихань сократил дистанцию и приобнял юношу за плечи. Тот стал еще хуже, чем прежде. Под ладонью отчетливо прощупывались острые ключицы — хрупкие, почти невесомые.

От этого слегка хриплого, заискивающего тона Цзичу на миг показалось, будто время повернуло в обратную сторону. Перед глазами на секунду возник прежний Цихань — тот двадцатидесятилетний мальчишка, который точно так же ластился к нему при любой возможности.

— Да, Учитель Шэнь, вы тоже были на высоте, — тихо ответил он.

Ответ прозвучал ровно, хотя внутри у Цзичу все переворачивалось от волнения. Он вовсе не пытался отделаться дежурной фразой — Цихань действительно сыграл великолепно, и это было чистой правдой. Просто выдавить из себя более теплые слова юноша сейчас не решился бы ни за что на свете.

Чужая ладонь на плече продолжала источать тепло, которое, казалось, проникало под кожу, напрямую связываясь с оголенными нервами и заставляя сердце биться в лихорадочном ритме.

Но для Циханя эта тщательно выверенная реплика все равно прозвучала сухо и отстраненно. Пальцы мужчины дрогнули, хватка ослабла. Он помрачнел, и через секунду сам убрал руку.

Цзичу мельком взглянул на помрачневшего спутника, но расспрашивать не стал, решив сделать вид, будто ничего не заметил.

Они вошли в комнату отдыха и расселись кто куда, приступая к ужину. Для Цзичу эта трапеза превратилась в настоящее испытание. На него давило все вокруг: и гнетущая обстановка, и собственные внутренние барьеры, из которых он никак не мог вырваться.

Он кожей чувствовал направленный на него пристальный, обжигающий взгляд. Будь на месте наблюдателя кто угодно другой, Цзичу легко проигнорировал бы это внимание. Но смотрел Цихань. Человек, ставший его незаживающей раной, неразрешимой загадкой последних двух лет. Узел их отношений затянулся настолько туго, что превратился в мертвый узел, который невозможно распутать.

После ужина, во время небольшого перерыва, Цзичу устроился на диване с брошюрой сценария.

Вдруг сквозь широкое окно хлынули закатные лучи, окутав его золотистым ореолом. Строчки на бумаге вспыхнули теплым светом. Оторвав взгляд от текста, юноша посмотрел на улицу. Мир снаружи казался отлитым из червонного золота: солнце медленно тонуло в облаках, окрашивая их в причудливые багрово-янтарные тона, рождающие в душе тихую тоску.

Сидевший неподалеку Цихань тоже заметил, как изменилось освещение, но первым делом посмотрел не на окно, а на Цзичу.

Залитый мягким вечерним светом, тот казался удивительно хрупким и умиротворенным. Вся его фигура дышала таким неземным покоем, что Цихань просто не мог отвести глаз.

В следующей сцене должны были участвовать все трое. Сюй Хай первым подошел к Цзичу, предложив прогнать реплики. Глядя на то, как увлеченно и живо они беседуют, Цихань — исполнитель главной роли — не выдержал и поспешил вклиниться в их разговор.

Личное — отдельно, работа — отдельно. Цзичу всегда четко разграничивал эти понятия. Какие бы бури ни бушевали в его душе при виде Циханя, на съемочной площадке он заставлял себя прятать эмоции как можно глубже. Ничто не должно было мешать делу. Благодаря профессионализму всех троих репетиция прошла без сучка и задоринки. Согласовав ключевые моменты, актеры решили выйти на площадку, чтобы примериться к мизансцене на месте.